

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**



Русь и Литва



Рюриковичи и Пясты —
враги и союзники

Литовские князья —
защитники русских
городов

Падение вольного
Новгорода

Сказки XX века

**АЛЕКСАНДР
ШИРОКОРАД**



Тайны Земли Русской

Александр Широкоград

Русь и Литва

«ВЕЧЕ»

2008

ББК 63.3

Широкоград А. Б.

Русь и Литва / А. Б. Широкоград — «ВЕЧЕ», 2008 — (Тайны Земли Русской)

ISBN 978-5-9533-3490-7

Как Киевская Русь разделилась на Великую, Малую и Белую? Долгие десятилетия эту тему предпочитали не обсуждать, как и многие вопросы русской истории. Например, что наряду с Московской Русью существовала и Литовская Русь, князья которой также видели себя собирателями Великой Руси. Книга рассказывает о сложном самоопределении Великого Тверского и Смоленского княжеств, вольной Новгородской республики, оказавшихся между двумя центрами силы – Москвой и Вильно. Автор рассматривает целый ряд непростых вопросов – взаимоотношения православной и католической конфессий в Восточной Европе, проблемы унии церквей, споры о землях и титулах монархов.

ББК 63.3

ISBN 978-5-9533-3490-7

© Широкоград А. Б., 2008
© ВЕЧЕ, 2008

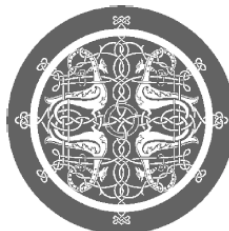
Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Широкоград

Русь и Литва

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008



Предисловие



В школьных учебниках истории вслед за нашествием татар следует отражение Александром Невским агрессии шведов и немцев, потом взаимоотношения с Ордой, ну а затем история, как московские князья собирали Русские земли в единое государство.

Пусть фрагментарность учебников истории в чем-то вещь неизбежная. Но, увы, и в многотомных монографиях отсутствует история южных и западных русских княжеств, начиная с 1240 г. К ним наши «мэтры» возвращаются лишь ко времени Богдана Хмельницкого, когда существуют пусть братские, но уже иные народы – белорусы и украинцы.

Возникают очевидные вопросы: откуда они взялись? Почему у них другой язык? да и вообще, что с ними было в течение четырех веков? Увы, эти вопросы повисают в воздухе. Еще в XVI–XVII веках московские цари и дьяки определили «магистральное направление отечественной истории», и все, что не соответствовало ему, попросту отбрасывалось. В результате сейчас не только в солидных монографиях, но и даже в архивах Российской Федерации можно найти лишь обрывочные сведения по четырем векам существования южных и западных русских княжеств.

Часть исторических документов была умышленно уничтожена по приказу русских царей, а большинство попросту погибло от небрежения. Ведь как бережно в Москве (а затем в Петербурге) хранили свои летописи. Вспомним, как немедленно после смерти Пушкина в дом на Мойке прибыли жандармы и опечатали все его бумаги. То же самое делалось и в отношении всех сановников и генералов. Их бумаги тщательно собирали и отправляли в государственные архивы.

В конце XVIII века в состав Российской империи вошли почти все русские земли, отторгнутые поляками и литовцами. Екатерина II имела полную возможность заполучить богатейшие городские архивы, а также частные архивы древних польских родов. Этому благоприятствовала и война с Речью Посполитой. Русские, от солдата до генерала, лихо экспроприировали имущество мятежных панов, от столовых приборов до карет и картин. Но никого не интересовали архивы Киевской, Смоленской, Волынской и других русских земель. Наконец, в 1815 г. на целое столетие Варшава стала частью империи. И опять же, ни правительство, ни чиновники, ни историки не заинтересовались древними документами русских княжеств.

Ларчик открывается просто. Эти документы не нужны были для обоснования «магистральной линии», а в отдельных случаях могли ей сильно повредить. Замечу, что не только русское правительство, но и значительная часть польской и русской знати не была заинтересована в изучении истории южных и западных русских княжеств.

Дело в том, что в XIX веке чуть ли не каждый пятый поляк был дворянином. В Польше несколько веков трудились еврейские конторы, которые мастерски подделывали родословные. Особенно легко и удобно было создавать легенды для родов, происходивших из Великого княжества Литовского. Понятно, магнаты с подделанными родословными как огня боялись открытия подлинных документов XIII–XVII веков. Аналогичная ситуация была и в России. Там, к примеру, десятки знатных фамилий вели свои родословные от святого князя Михаила Черни-

говского. Естественно, каждое семейство имела подробное генеалогическое древо, начинавшееся со святого Михаила. Но при попытке собрать вместе родословные князей Одоевских, Оболенских, Горчаковых, Волконских, Барятинских и прочих получается куча разночтений. Сразу бросается в глаза хронологическая несуразность – удельные князья живут по 80–120 лет, причем, участвуют в битвах до последнего издыхания, и т. д. Понятно, что тут пропущены одно-два поколения. Надо ли говорить, что все эти лица также были заинтересованы в сокрытии исторической правды.

Александр Твардовский писал: «Кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу». Тяжелая расплата за историческое невежество пришла в 1991 г.

В этой книге автор попытался дать историю борьбы литовских и московских князей за обладание русскими землями. Вместе с тем автор посвятил отдельные главы истории Киевского, Черниговского и Смоленского княжеств, а также Галицкого королевства и Новгородской республики. Для этого пришлось пойти на некоторое нарушение хронологии повествования, а в ряде случаев допускать повторы.



Глава 1

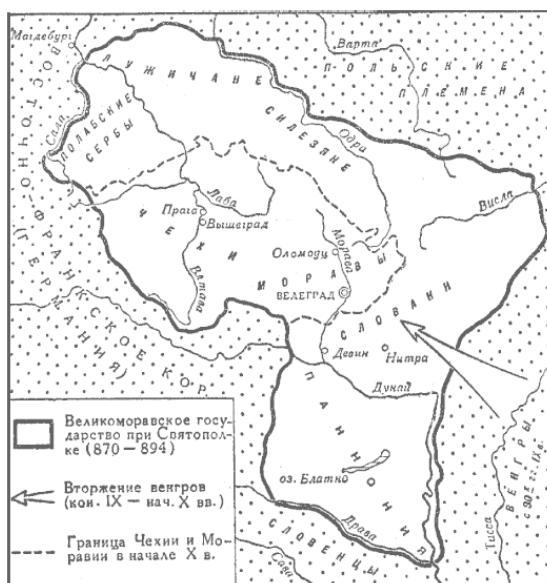
Роковой раздел братьев-славян



В VII–VIII веках многочисленные западнославянские племена занимали обширную территорию по бассейнам рек Вислы, Одры (Одера) и Лабы (Эльбы). В бассейне верхней Лабы, рек Влатвы и Моравы жили чешско-моравские племена, в бассейне Вислы и Варты, до Орды и Ниссы на западе – польские племена. Земли в бассейне средней и нижней Лабы до Балтийского моря занимали полабские славяне, образовавшие несколько племенных союзов. Между Салой и Лабой и далее к востоку жили племена серболужицкого союза, а по средней Лабе и далее на северо-восток – племена союза лютичей. Нижнюю Лабу заселяли ободриты. Лютичи и ободриты занимали земли до самого Балтийского моря. К востоку от них, на балтийском побережье, жили поморяне, принадлежавшие к польской группе западнославянских племен. Ободритов, лютичей и поморян часто называют балтийскими славянами.

В IX веке возникает сильное государственное объединение славян – Великоморавская держава, ставшая одним из самых мощных государств Европы. В состав Великоморавской державы входили Чехия, Моравия, Словакия, Лужицы и земли ободритов.

В 863 г. из Византии в Великоморавское государство прибыла церковная миссия, возглавляемая братьями Кириллом (Константином) и Мефодием. Они начали перевод церковных книг на славянский язык, проповедовали христианство, проводили богослужения на славянском языке. В Паннонии и Моравии Кирилл и Мефодий содействовали подготовке славянского духовенства. Создание своей церкви укрепило политическую независимость Великоморавской державы и стало грозным оружием в борьбе с немецкой агрессией. Зависимость же от Константинопольского патриарха была чисто формальной.



Великоморавское государство в конце IX в.

Князь Ростислав и великоморавская знать поддерживали деятельность Кирилла и Мефодия. Но в 870 г. ставленник немецких феодалов Святополк – племянник Ростислава – сверг своего дядю и занял княжеский престол. Ростислава же вывезли в Германию. Там он был ослеплен и навечно заточен в монастырь. Несколько позже немцы схватили и Святополка, и также отправили его в Германию.

Одновременно западное духовенство¹ начало преследовать славянских церковнослужителей. Мефодия схватили, бросили в темницу и подвергли жестоким пыткам².

Результатом насилий немецких феодалов и западного духовенства стало восстание, вспыхнувшее в конце 871 г. под руководством священника Славомира. Тогда рыцари вспомнили о князе Святополке, томившемся в застенках одного из немецких замков. Его освободили и поставили во главе немецкого войска, снаряженного для подавления восстания в Великоморавской державе. Но немцы просчитались – Святополк перешел на сторону восставших, помог славянам разбить немецкое войско и вновь занял княжеский престол. Правил он до своей смерти в 894 г.

Святополк сразу же освободил из тюрьмы Мефодия, который вместе с многочисленными учениками продолжил свою духовную деятельность в Великоморавском государстве. Однако князь Святополк оказывал недостаточную поддержку восточному духовенству в его борьбе с папистами. После смерти Мефодия в 885 г. его ученики были изгнаны из Моравии и нашли убежище в Болгарии.

После смерти Святополка его сыновья начали борьбу за власть. В результате чешские земли попадают под власть германского князя Арнульфа. В 906 г. венгры завоевывают словацкие земли, составлявшие значительную часть Великоморавской державы. Словаки попали под власть венгерских феодалов и на целое тысячелетие оказались оторванными от чешского народа.

Падение Великоморавского государства кардинально изменило ход развития западных славян. Как писал известный историк С.М. Соловьев: «Разрушение Моравской державы и основание Венгерского государства в Паннонии имели важные следствия для славянского мира. Славяне южные были отделены от северных, уничтожено было центральное владение, которое начало соединять их, где произошло столкновение, загорелась сильная борьба между Востоком и Западом, между германским и славянским племенем, где с помощью Византии основалась славянская церковь. Теперь Моравия пала, и связь славян с Югом, с Грецией, рушилась: венгры стали между ними, славянская церковь не могла утвердиться еще, как была постигнута бурей, отторгнута от Византии, которая одна могла дать питание и укрепление младенчеству церкви. Таким образом, с уничтожением самой крепкой связи с востоком, самой крепкой основы народной самостоятельности, западные славяне должны были по необходимости примкнуть к западу и в церковном, и в политическом отношении. Но мало того, что мадьярским нашествием прекращалась связь западных славян с Византией, прекращалась также и непосредственная связь их с Римом, и они должны были принимать христианство и просвещение из рук немцев, которые оставались для них теперь единственными посредниками. Этим объясняется естественная связь западных славян с Немецкою империею, невозможность выпутаться из этой связи для государственной и народной независимости»³.

¹ Официальное разделение церквей на православную и католическую произошло в 1054 г., однако фактический раскол был уже в IX в. Для удобства читателя здесь и далее я буду именовать западным духовенством клир, подчиняющийся римскому папе, и, соответственно, восточным духовенством – пастырей, подчиняющихся константинопольскому патриарху.

² Кирилл к этому времени уже умер (в 869 г.).

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., Издательство социально-экономической литературы, 1959.

В IX веке территория Польши контролировалась десятками племенных группировок, только в Силезии их было не менее пяти. К началу X века наиболее сильными становятся две – висляне («люди Вислы») вокруг Кракова и поляне («люди полей») вокруг Гнезно. В 960 г. верх берет полянская группировка, во главе которой стоит князь Мешко (Мечеслав) из рода Пястов (922–992 гг.). Согласно легенде основателем этой династии был простой крестьянин Пяст, изготавливавший колеса для телег.



Князь Мешко (Мечеслав)

Около 966 г. Мешко женится на чешской княжне Доброве (Дубровке). Невеста была христианкой, и Мешко пришлось креститься. Вместе с Добровой в Польшу приехало и несколько священников-папистов во главе с епископом Иорданом. Именно с них и началось крещение Польши.

Мешко начал сношения с римским престолом, и в 990 г. римский папа признал Мешко королем. Тем не менее, занявший после смерти Мешко престол Болеслав I Храбрый считался только великим князем и принял королевский титул лишь в 1025 г. за несколько недель до своей кончины.

Первое столкновение Руси⁴ и Польши, о котором сохранились письменные свидетельства, произошло в 981 г. Согласно русской летописи князь Владимир Красное Солнышко (г. рож. неизв. – ум. 1015 г.) ходил с войском на ляхов и занял Перемышль, Червен и другие их города. Забавно, что чешские историки утверждают, будто эти города не могли быть отняты у поляков, а были отняты у чехов, поскольку земля к востоку до Буга и Стиря, впоследствии названная Галицкой, принадлежала в то время чехам. Чехи ссылаются на данную Пражскому епископству при его основании грамоту, в которой границами епископства к востоку обозначены реки Буг и Стирь в Хорватской земле. С.М. Соловьев довольно аргументированно доказал недостоверность этой грамоты⁵, так что 981 г. мы должны считать годом первой русско-польской войны.

Русские летописи свидетельствуют, что занятые князем Владимиром города принадлежали Руси еще при Олеге Вещем, но были заняты поляками в малолетство князя Игоря. Согласно русским летописям, в 992 г. князь Владимир воевал с Мешко «за многие противности его» и в бою за Вислой одержал полную победу. Поводом к этой войне могли служить спор за Червенские города. Война эта могла вестись в союзе с чешским князем Болеславом II Благочестивым, который с 990 г. воевал с Мешко. Болеслав I Храбрый (967–1025 гг.), занявший польский престол после смерти своего отца князя Мешко в 992 г., еще как минимум год продолжал войну.

Болеслав I был опытным политиком и храбрым воином. На севере он расширил свои владения до Балтийского моря, подчинив себе поморян и пруссов. Болеслав I, воспользовавшись смертью в 999 г. чешского князя Болеслава II, напал на Краков и присоединил его с окрестностями к Польше. В это же время он захватил Моравию и земли словаков до Дуная.

⁴ В данной монографии здесь и далее автор будет называть население стран так, как оно называлось в документах того времени.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 193–194.



Болеслав I Храбрый

Примерно⁶ в 1008–1009 гг. Болеслав I заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплен родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира

⁶ Из-за скудности и противоречивости источников X–XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

Святополка (ок. 980 – ок. 1019 гг.). Но этот первый родственный союз польских и русских князей привел не к миру, а к серии новых войн. Где-то между 980 и 986 годом Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава – в Полоцк, Святополка – в Туров, Ярослава – в Ростов. Следует заметить, что Владимир ставил сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

В конце 1012 или в начале 1013 года Святополк вместе с женой и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыгаться фантазии историков. Так, Ф.И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»⁷. Видимо, более близок к истине П. Голубовский: «Князь Туровский, Святополк, заводит отношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для завоевания своей автономности, и попадает за это в тюрьму»⁸. Не исключено, что Святополк попросту отказался платить дань Киеву, как это сделал в 1014 г. князь Ярослав в Новгороде.

В немецкой хронике Титмара Мерзенбургского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником, или наоборот, Святополк правил страной от имени отца.

Любопытно, что все русские летописи молчат о последних годах жизни князя Владимира Красное Солнышко. Из этого может следовать лишь один вывод: кто-то, то ли сам Ярослав, то ли его дети, основательно отредактировали русские летописи, а периоды, где врать уже было невмочь, попросту опустили.

Так или иначе, но к 1015 г. Святополк был если не правителем Киева, то, по крайней мере, соправителем своего отца⁹. Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси было неспокойно. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015 г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Естественным возможным приемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

И тут согласно русским летописям и «Сказанию о Борисе и Глебе» начинаются абсолютно необъяснимые события. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав – князь тмутараканский, Святослав – князь древлянский и Судислав – князь псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя – Борис Ростовский и Глеб Муромский – заявляют, что готовы чтить Святополка, «как отца своего».

А Святополк начинает свое правление с убийства... двух самых верных и, кстати, своих единственных вассалов, Бориса и Глеба.

⁷ Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе, СПб, 1872. С. 257.

⁸ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 175.

⁹ Существует версия, что Святополк был не сыном Владимира, а племянником, сыном убитого им брата Ярополка. Однако достоверных подтверждений этой версии нет.

Тайна была раскрыта норманнским скальдом в «Саге об Эймунде»¹⁰. Эймунд был командиром наемной варяжской дружины, служившей у Ярослава Владимировича, вошедшего в историю под именем Ярослава Мудрого (ок. 987–1054 гг.). Согласно саге Борис (Бурислейф)¹¹ верно служил своему сюзеру Киевскому князю Святополку и водил рати печенегов на Ярослава. Летом 1017 г. печенеги под командованием князя Бориса ворвались в Киев, но они увлеклись грабежом, и варяги Эймунда выбили их из города. Следующим летом Борис опять идет с печенегами к Киеву. Тогда Эймунд обратился к Ярославу (Ярислейфу): «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит». Эймунд выполнил приказ своего князя и убил Бориса. Об убийстве Глеба достоверных данных нет. Предполагается, что он был сторонником Ярослава, и убили его свои же муромские подданные.

Но вот в 1054 г. умер Ярослав Мудрый, и на Руси вновь начались большие усобицы. Естественно, что о событиях 1015–1018 гг. все давно забыли. Этим и воспользовался князь Изяслав Ярославович, чтобы в 1072 г. канонизировать Бориса и Глеба как невинно убиенных злодеем Святополком Окаянным.

Как уже говорилось, история убийства варягами Бориса и «варяжский вариант» гражданской войны на Руси 1015–1025 гг. приведены в книге «Северные войны России». Здесь же я остановлюсь на «польском варианте» войны.

Осенью 1016 г. князь Ярослав Владимирович (в саге – Ярислейф) с помощью варягов разбил у города Любеч войско печенегов под предводительством Бориса Владимировича (Бурислейфа) и вскоре овладел Киевом. Борис бежал к печенегам, а князь Святополк – в Польшу к своему тестю Болеславу Храброму. При этом его жена стала добычей Ярослава. Однако Болеслав был поглощен борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно, «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского), Болеслав вел переговоры и с германской знатью, и тоже отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе, как в политическом, так и в брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (р. в 990 г., правил в 1025–1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржаха, разорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Нимч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзабург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015–1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

¹⁰ Подробнее см. Широкоград А.Б. Северные войны России. Москва – Минск, АСТ – Харвест, 2001. С. 25–35.

¹¹ Так он именовался в «Саге об Эймунде».

Генрих дал согласие на брак с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой – всего через четыре дня после заключения Будишинского мира.

Между тем, в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (нынешнему Бресту). Город Берестье к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с нападением печенегов, ведомых Борисом Владимировичем. Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава некий Буда начал насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!»¹² По словам летописца Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». Тоже говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Блуда (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином сыном Добрыни «рассекли ладьи Ярослава, так говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком». Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

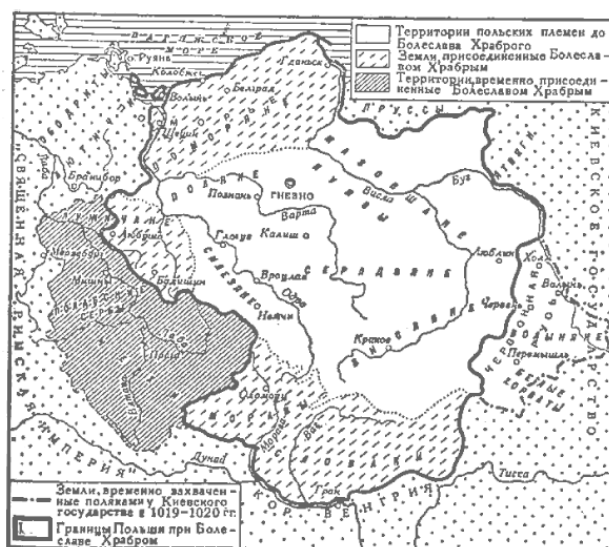
14 августа союзники вошли в город. У собора святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Польские хронисты утверждают, что князь Болеслав, вступив в завоеванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так

¹² Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

следующей ночью будет обещана сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем».

В Великопольской хронике XIII–XIV веков говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название «щербец», так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».



Польша в конце X – начале XI в.

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава – его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестер. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], незаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой летописи говорится более определенно: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим, Ярослав еще до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Ярополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увез ее с собой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наемники – саксонцы, венгры и печенеги отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска остался в Киеве, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых «русских денариев» с надписью кириллицей «Болеслав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьезных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой

ситуации с Болеславом, кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В Повести временных лет говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: “Сколько есть ляхов по городам, избивайте их”». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго угоривать не пришлось. Почти одновременно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными ценностями. Знатные русские пленники – бояре Ярослава, жены и сестры – были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и Червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому конугу Олафу Шётконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с Ярославом. Ингигерд привела с собой в качестве приданого дружину, а Ярослав передал шведам город Ладогу с окрестными землями. Шведы называли Ладогу Альдейгьюборг, первым правителем ее стал шведский ярл Рёгнвальд Ульвссон. Вернуть Ладогу русским князьям удалось лишь во второй половине XI века.

В том же 1019 г. Ярослав двинулся с большой ратью на Киев. Согласно Устюжской летописи у него было 40 тысяч человек, из них варягов 18 тысяч.

Святополк призвал на помощь печенегов, но в битве на реке Альте недалеко от Киева был разбит. Святополк в очередной раз бежал на запад, где и умер. Причем, достоверных сведений о месте и времени его смерти нет. Тем не менее, гражданская война на Руси с бегством «окаянного» Святополка не закончилась. Ярославу пришлось воевать еще с племянником Брячиславом Полоцким и братом Мстиславом Тмутараканским.

В 1021 г. Ярославу удалось заключить мир с племянником. При этом он не только признал полную независимость Полоцкого княжества, но и уступил города Витебск и Усвят, где были стратегические волоки на пути «из варяг в греки». В 1025 г. Ярослав заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом.

В 1022 г. войска Ярослава приходили к Берестю, занятому поляками, однако удалось ли им взять город, летопись умалчивает.

В 1025 г. через несколько недель после своей коронации умер Болеслав Храбрый. В Польше началась усьобица между Болеславичами – новым великим князем Мешко II и его братом Оттоном. В польские дела немедленно вмешиваются соседи – немцы и чехи. В ходе войны Оттон бежал к князю Ярославу Мудрому. Жить ему было приказано в Киеве, а не при дворе князя в Новгороде. В Киеве Оттон провел около шести лет. Оттуда он вступил в сношения с германским императором Конрадом, строя козни против брата. Все это, естественно, происходило с санкции Ярослава.

В 1030 г. Ярослав захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи «В лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Роси¹³; и пребывают они там и до сего дня».

¹³ Река к югу от Киева.



Мешко II

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Рёгнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наемников варягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О.А. Смрницкой: «Изведал лях лихо и страх»). Поход Ярослава и Мстислава на Польшу был согласован

с наступлением с запада императора Конрада. Мешко II не смог остановить немцев и русских и был вынужден бежать в Богемию к чешскому князю Олдржиху. На польском престоле утвердился Оттон. Он прежде всего выполнил все приказания императора: отказался от титула короля и отослал польскую корону в Германию вместе с женой Мешка Риксой, а себя объявил вассалом германского императора.

Такое поведение пришлось не по нраву польской знати, и вскоре Оттон был убит, а его место занял брат Мешко II. Но править ему пришлось недолго, в 1034 г. убили и Мешко.

Его вдова Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку над своим малолетним сыном Казимиром. Рикса попыталась оттеснить от власти вельмож-поляков и править с помощью немцев. Дело кончилось переворотом и изгнанием Риксы в Германию.

Править страной стали польские магнаты от имени малолетнего Казимира. Но дела у них явно не клеились, и Польшу охватило восстание смердов. Причем, восстание носило как антифеодальный, так и антицерковный характер, – а большинство восставших были язычниками.

После похода 1031 г. Ярослав не вмешивался в польские дела, удовлетворившись присоединением к своим владениям «Червенских градов».

В 1039 г. в большей части Польши установилось спокойствие, и власть прочно держал в руках сын Мешко II князь Казимир I Восстановитель (1016–1058 гг.). Казимир и Ярослав заключили союз в борьбе против Моислава – бывшего дружинника Мешко, захватившего власть в Мазовии. Моислава поддерживали пруссы, литовцы и поморские славяне. В 1041 г. Ярослав совершает поход в Мазовию. Причем войско его шло варяжским способом на лодках по рекам Припяти и Западному Бугу.

В 1043 г. Казимир женился на сестре Ярослава Мудрого Доброгневе (Марии), получив богатое приданое, а вместо вена он отдал Ярославу 800 пленных, взятых Болеславом на Руси. В 1047 г. Ярослав опять пошел с войском на помощь Казимиру против Моислава. На этот раз Моислав был убит, а рать его разбита, Мазовия снова подчинилась польскому князю. Вскоре союз Руси и Польши скрепился еще одним браком – сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира. До самой смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. с Польшей сохранялись добрососедские отношения.

Глава 2

Рюриковичи и Пясты – враги и союзники

В 1079 г. польские паны и духовенство согнали с престола польского короля Болеслава II Смелого (1042–1081 гг., король с 1076 г.) а вместо него на престол возвели его брата – слабовольного Владислава (Володислава) I Германа (1043–1102 гг.).

Как писал С.М. Соловьев: «Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владислава, Збигнева. В эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами разрушил ее области»¹⁴.

Замечу, что Василько Ростиславович (1062–1124 гг.) был с 1085 г. удельным князем теребовльским.

В 1138 г. (по другим сведениям в 1139 г.) умер польский король Болеслав III Кривоустый (р. 1086 г., правил 1102–1138 гг.). После его смерти Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Свое юридическое оформление феодальная раздробленность получила в так называемом Статусе Болеслава Кривоустого, изданном в 1138 г. Согласно этому Статусу Польское государство было разделено между сыновьями Болеслава III. Старший сын – Владислав II (1105–1159 гг.) получил Силезию, Мешко (1126–1202 гг.) – большую часть Великой Польши с Познанью и часть Куявии, Болеслав Кудрявый (1121–1173 гг.) – Мазовию, а Генрих – Сандомирскую и Люблинскую земли. Статусом устанавливался принцип сеньората. Старший в роде получал верховную власть с титулом великого князя. Столицей его был Краков. Помимо собственного удела, он получал еще великокняжеский удел, в состав которого входили Краковская, Серадзская и Ленчицкая земли, часть Куявии с городом Крушвицей и часть Великой Польши с Калишем и Гнезно.

Старший Болеславович Владислав II по натуре слыл человеком кротким и миролюбивым. Полной противоположностью ему была его жена Агнесса – дочь австрийского герцога Леопольда. Немецкой принцессе казались дикими родовые отношения между князьями. Она не могла смириться с тем, что ее супруг только старший среди братьев. Агнесса язвительно называла мужем «полукнязем» и «полумужчиной» за то, что он терпел рядом с собой столько равноправных князей. И Владислав, не выдержав насмешек жены, поддался ее увещаниям и начал требовать дань с уделов братьев, хотел забирать их города и даже намеревался изгнать их из Польши. Но вельможные паны встали на защиту младших братьев, и Владислав в 1142 г. был вынужден сам бежать в Германию. Краковский престол перешел следующему по старшинству брату – Болеславу IV Кудрявому. Русские князья вновь вмешались в польские усобицы. Тем более что великий князь Киевский Всеволод Ольгович (род. до 1094 г. – ум. 1146 г.) был в родстве с Владиславом II – дочь Всеволода Звенислава была замужем за старшим сыном Владислава Болеславом. В 1142 г. Всеволод послал своего сына Святослава, двоюродного брата Изяслава Давыдовича и Владимира Галицкого на помощь Владиславу II против его младших братьев. Но русские полки не спасли Владислава. Русский летописец повествует, что княжеские дружины больше занимались опустошением и разграблением Польши, чем усмирением младших братьев Болеславичей, «побравши в плен больше мирных, чем ратных людей».

¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 369.

Владислав еще надеялся с помощью русских или немцев вернуть себе польский престол, и в 1145 г. князь Игорь Ольгович (ок. 1096 г. – 1147 г., с 1146 г. великий князь Киевский) с братьями вновь отправляется в польские земли воевать младших братьев Болеславичей. Летописец говорит: «В середине земли Польской встретились они с Болеславом Кудрявым и братом его Мечеславом (Мешко). Польские князья не захотели биться, приехали к Игорю с поклоном и помирились на том, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владение, а Игорю с братьями дали город Визну, после чего русские князья возвратились домой и привели с собою большой полон».

С XII века особое значение в русско-польских отношениях приобрело Галицкое удельное княжество. В 1187 г. умер галицкий князь Ярослав Владимирович Осмомысл. Перед смертью он обратился к боярам: «Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю свое место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Но Олег был сыном князя от наложницы Настасьи, которую в 1174 г. галицкие бояре сожгли на костре. Поэтому Олега сразу же после смерти отца изгнали из Галича, а на престол был посажен Владимир Ярославич (ок. 1151 г. – ок. 1198 г.). Но, увы, Владимир увлекался вином и женщинами, по словам летописца он «умел только пить, а не любил думы думать с своими боярами. Отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей. Мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно».

Встретившись с сильной боярской оппозицией, Владимир Ярославович решил не искушать судьбу и бежал из родного Галича в Венгрию. Галичем же овладел соседний владими́ро-во́лыньский князь Роман Мстиславич (род. после 1149 г. – ум. 1205 г.).

Венгерский король Бела III радушно встретил изгнанника Владимира Ярославича, собрал большую рать и пошел на Галич. У Романа Мстиславича не было сил для сражения с венгерским войском, и он отправился обратно на Воынь. Однако хитрый Бела III обманул Владимира и поставил галицким князем своего сына Андрея. Что же касается Владимира Ярославича, то его силой увезли в Венгрию и заточили в каменной башне.

В 1190 г. Владимиру удалось бежать из венгерской неволи. Вскоре он объявился при дворе германского императора Фридриха Барбаросса. Владимир предложил Фридриху выплачивать ежегодно по две тысячи гривен серебром, и тот отправил его при своем после к польскому князю Казимиру II Справедливому (1138–1194 гг.) с приказом, чтобы последний помог ему получить обратно галицкий престол. Казимир отправил с Владимиром своего воеводу Николая с войском. Когда галичане узнали о приближении своего бежавшего князя с польским войском, то вышли ему навстречу, провозгласили своим князем, а венгерского королевича Андрея изгнали.

В Польше после смерти Болеслава IV Кудрявого в 1173 г. великокняжеский престол перешел к следующему брату Мешко III. Но тот умудрился восстановить против себя вельможных панов, и вскоре был изгнан ими. Князем провозгласили самого младшего Болеславича – Казимира II Справедливого¹⁵. После смерти Казимира великим князем был избран его сын – несовершеннолетний Лешко Белый (1186–1227 гг.). Однако еще был жив отставной князь Мечеслав III, которого именовали Старым. Старый начал усобицу против племянника. В это время в Кракове объявился уже знакомый нам князь Роман Мстиславич, который приехал просить помощи в своей очередной усобице. И он надеялся эту помощь получить, поскольку вдова Казимира Справедливого Елена приходилась ему родной племянницей, она была дочерью его брата Всеволода Мстиславича Бельского. Казимировичи ответили: «Мы бы рады были тебе помочь, но обижают нас дядя Мешко (Мечеслав), ищет под нами волости. Прежде помоги ты нам, а когда будем все мы поляки за одним щитом, то пойдем мстить за твои обиды».

¹⁵ Четвертый Болеславич, Генрих, к тому времени умер.



Казимир II Справедливый

Роман был не один, а с дружиной, и отправился вместе с детьми Казимира на Мечеслава Старого. Тот не желал биться с дружиной Романа Мстиславича и попросил его быть посредником в споре между ним и племянниками. Но Роман все же напал на войско Мешко. В результате дружина его была разбита, а сам князь, раненый, убежал в Краков, откуда уцелевшие дружинники перенесли его домой – во Владимир Волынский.



Лешко Белый

Тем не менее, союз с Казимировичами позже все-таки принес свои плоды Роману Мстиславичу. В 1198 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и польские войска помогли Роману занять галицкий престол. Теперь Роман сел в Галиче «всерьез и надолго» и стал основателем династии галицких королей.

Между тем власть в Кракове три раза переходила от Лешко Белого к Мешко. В конце концов, Мешко III вроде бы твердо сел на престол, но в 1202 г. умер. Польские вельможи предложили престол Лешко, но не сговорились о цене и отдали его сыну Мешко Владиславу III Ласконогому (1161–1231 гг.). Вскоре Ласконогий поссорился с католическими прелатами и частью знати, и на престоле вновь оказался Лешко.

Князь Роман Мстиславич был постоянным союзником Лешко в его борьбе с Мешко и Ласконогим. Но когда Лешко основательно обосновался в Кракове, Роман потребовал у него волости в награду за прежнюю дружбу. Лешко отказал, в результате прежние союзники рассорились. По словам летописца в ссоре этой не последнюю роль сыграл Владислав Ласконогий. В 1205 г. Роман Мстиславич осадил Люблин, но, узнав, что Лешко с братом Конрадом идут на него, снял осаду и двинулся им навстречу. Перейдя Вислу, галицкие полки стали под городом Завихвостом. Вскоре туда прибыли послы от Лешко и начали переговоры. Решено было приостановить военные действия до окончания переговоров. Роман Мстиславич с несколькими дружинниками спокойно отъехал на охоту, но в засаде его ждал большой польский отряд. Силы были не равны, и после короткого, но жестокого боя Роман Мстиславич и его дружинники были убиты.



Владислав III Ласконогий

С.М. Соловьев писал о галицком князе: «Роман слыл грозным бичом окрестных варваров – половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: «он стремился на поганных, как лев, – говорит народное поэтическое предание, – сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему, Мономаху». Мы видели, что одною из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, население пустынных пространств: Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно

казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: «Роман! Роман! худым живешь, литвою орешь»¹⁶.

Последнее дало повод историку Стрыйковскому утверждать, что Роман впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял выпаживать корни деревьев по новым местам. Роман Мстиславич оставил после себя двух малолетних детей – четырехлетнего Даниила¹⁷ и двухлетнего Василько¹⁸.

Галич представлял собой лакомый кусочек, и все соседи, как воронье, слетелись туда, узнав о смерти грозного Романа. В 1206 г. на Галич двинулось целое скопище русских князей: Владимир Святославич Чермный с братьями, Владимир Игоревич Северский с братьями, к ним присоединился смоленский князь Мстислав Романович с племянниками. К ним примкнули и половцы. В Киеве к компании присоединился Рюрик Ростиславич с сыновьями Ростиславом и Владимиром, и племянниками. С другой стороны к Галичу шел с войском из Кракова князь Лешко.

Вдова Романа княгиня Анна испугалась и попросила помощи у венгерского короля Андрея II, сына Белы III, того самого Андрея, который, будучи королевичем, когда-то княжил в Галиче.

Тем временем галицкие бояре, ненавидевшие Романа и его потомство, подняли мятеж и вынудили вдову с детьми и приближенными бежать во Владимир Волынский.

Наконец все три рати подошли к Галичу, но до битвы не дошло. Андрею II надо было возвратиться домой из-за интриг королевы Гертруды, поэтому он наскоро договорился с Лешко сделать галицким князем Ярослава Переяславского, сына великого князя Всеволода Суздальского, и отправился назад в Венгрию.

Однако галицкие бояре обманом посадили князем Владимира Игоревича Северского (ок. 1170 г. – 1212 г.). Свое правление Владимир Игоревич начал с того, что послал своих людей во Владимир Волынский с требованием выдать вдову и детей князя Романа. Анне вновь пришлось бежать ночью с двумя детьми, дядькой Мирославом, попом и кормилицей. Они долго думали, куда идти. Со всех сторон были только враги. Из всех зол беглецы выбрали меньшее, и, уповав на былую дружбу, направились в Польшу к Лешко, хотя князь Роман и был убит людьми Лешко, а мир с Польшей еще не был заключен. К счастью Лешко сжалился над беглецами и встретил их словами: «Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом». Он отправил малолетнего Даниила в Венгрию со своим послом, велел передать королю: «Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе он был друг: вы клялись друг другу, что кто из вас останется в живых, тот будет заботиться о семействе умершего. Теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдем возвратим им отчину их».

Владимир Игоревич правил Галичем недолго. Он поссорился с галицкой дружиной и не придумал ничего лучшего, как попросту перебить ее. Однако убить удалось всего около пяти-сот человек, остальные разбежались. Многие из галицких дружинников и бояр отправились в Венгрию и стали просить короля Андрея: «Дай нам отчича нашего Даниила: мы пойдем с ним и отнимем Галич у Игоревичей». Король согласился, дал галицким боярам большое войско и вместе с Даниилом послал их в Галич. Лешко из Польши также направил отряд в помощь малолетнему Даниилу.

¹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 582.

¹⁷ Даниил Романович (1201–1264). Первая жена Анна, дочь Мстислава Мстиславича Удалого; вторая жена сестра литовского князя Товтивила.

¹⁸ Василько Романович (1203–1269). Женат на Елене, дочери великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Вторая жена тоже Елена, дочь краковского князя Лешко Белого.

Владимир Игоревич с сыном не стали дожидаться прихода войска и бежали. Даниил торжественно въехал в Галич, и бояре посадили его на отцовский престол в соборной церкви Богородицы.

Трудности, с которыми встретился в Галиче юный князь, выходят за рамки нашего повествования. Поэтому я приведу лишь один эпизод, хорошо иллюстрирующий и обстановку в Галиче, и характер мальчика. С.М. Соловьев писал: «Легко понять, что эти бояре посадили Даниила не для того, чтоб усердно повиноваться малютке. За последнего хотела было управлять его мать, приехавшая в Галич, как скоро узнала об успехе сына, но бояре немедленно же ее выгнали. Маленький Даниил не хотел расстаться с матерью, плакал, и когда Александр, шумавинский тиун, хотел насильно отвести его коня, то Даниил выхватил меч, чтоб ударить Александра, но не попал и ранил только его коня. Мать поспешила вырвать у него из рук меч, упростила успокоиться и остаться в Галиче, а сама отправилась в Бельз опять к Васильку и оттуда к королю в Венгрию»¹⁹.

В конце концов, Даниилу пришлось бежать, а Галицкое княжество поделили между собой венгерский король Андрей II и польский князь Лешко. В Галиче стал княжить сын Андрея королевич Коломан, которого по такому случаю женили на дочери Лешко Белого.

¹⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 587.

Глава 3

Литва и Русь. Первые столкновения

Если о Польше наш читатель хоть что-то слышал, а при большом желании мог обратиться к трудам по истории Польши, изданных в XIX веке на русском языке или к современным на польском, то в отношении истории Литвы до XIV века даже в узко специальных трудах говорится весьма туманно.

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над «i»: сведений о Литве до середины XIII века ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 годом.

По мнению литовских историков слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва – это небольшой район между реками Нерис, Вилия и Неман.

Разрозненным литовским населением правили десятки князей (кунигасов). Важную роль играли языческие жрецы. Сведения о религии литовцев скудные и довольно противоречивые. Тем не менее, следует отметить, что их верования были очень близки к славянским. Так, и у славян, и у литовцев большую роль играл «живой огонь» – Знич. Раз в году с помощью трения добывался новый живой огонь, от него зажигали огонь у жертвенника и разносили по домам. Если огонь на жертвеннике потухал по вине жреца, то его немедленно убивали. Бог войны, повелитель грома и молний, у литовцев звался Пяркунас, западные славяне называли его Перкунос, а восточные – Перун. Как и славяне, литовцы создавали большие деревянные идолы Пяркунаса. Перед этими идолами совершали жертвоприношения – буйволов, быков, но, разумеется, Пяркунас больше всего любил людей. При этом, если славяне убивали жертву Перуну (обычно пленных) мечом, то литовцы жгли людей живыми.

Особую роль в религии литовцев играл Крива – божество Луны. Славяне тоже поклонялись Криве, но культ его был менее распространен.

Общими в пантеоне богов были богиня любви Милда (у славян – Милка) и скотский бог Велиас (у славян – Велес). А вот бог пчеловодов Рагутис у славян не встречался.

Конфликты Руси с литовцами отмечены в русских летописях еще во времена Владимира Святого. Но при этом летописцы лишь фиксировали факт набега литовцев или поход на них русского князя, не приводя никаких деталей.

Литовцы же вообще не имели своей письменности. В XIII веке переписку литовских князей с немцами и поляками вели на латыни немцы (пленные или католические миссионеры). В начале XIV века государственным языком Великого княжества Литовского становится русский, и вся документация ведется по-русски кириллицей, и лишь в конце XVI века появляется собственно литовская письменность, то есть, литовские слова, написанные латиницей.

На русские земли нападали как литовские князья, так и небольшие группы латрункулей, то есть профессиональных разбойников. Русские князья действовали достаточно пассивно и походы в Литву совершали в основном для того, чтобы вернуть награбленное. Впрочем, не исключено, что ряд пограничных литовских племен платили дань русским.

В начале XIII века крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду – они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло несколько

межплеменных союзов. Тем не менее, в летописях с 1240 по 1292 год упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV веке, в литовских летописях появляются сведения, что литовские князья произошли от Палеймона, родного брата... римского императора Нерона. Сей мифический брат отправился из Рима на север, там родил трех сыновей Барка, Куноса и Спера, и вот от Куноса де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймона, нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении, по крайней мере, части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Роголодовича²⁰. Существует еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя. В 20-х годах XIII века на русские княжества нападают уже значительные силы литовцев. Вот, к примеру, запись в летописи за 1229 год: Литва «опустошила страну по озеру Селигеру и реке Поле, новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полон». В 1234 г. «литовцы явились внезапно перед Русою и захватили посад до самого торгу. Но жители и засада [гарнизон – А.Ш.] успели вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на литву, выгнали ее из посада и продолжали бой на поле. Литовцы отступили. Князь Ярослав, узнавши об этом, двинулся на врагов с конницею и пехотою, которая ехала в насадах по реке Ловати. Но у Муравьиного князя должен был отпустить пехоту назад, потому что у ней не достало хлеба, а сам продолжал путь с одною конницею. В Торопецкой волости на Дубровне встретил он литовцев и разбил их. Побежденные потеряли 300 лошадей, весь товар [добычу – А.Ш.] и побежали в лес, побросавши оружие, щиты, совни, а некоторые тут и костью пали». Новгородцы в этом бою потеряли 10 человек убитыми.

Летом 1235 г. у Могильного местечка при впадении реки Дитвы в Неман²¹ произошла битва литовцев с объединенными силами мелких западных русских князей – Дмитрия князя Друцкого, Льва Даниловича князя Волынского и Святослава Всеволодовича князя Стародубского. В ходе битвы литовский князь Рингольд наголову разгромил русских.

Допекла Литва и псковичей. В конце концов, их терпение лопнуло, и они отправили отряд на помощь крестоносцам, шедшим на Литву. Немецко-русскому войску удалось разгромить ряд районов Литвы, но на обратном пути у Сауле²² они попали в засаду, организованную тем же Рингольдом. В битве на стороне литовцев участвовали и земгалы – племя, жившее на территории современной Южной Литвы. Разгром был полный. Погиб гроссмейстер ордена Меченосцев Фольквин фон Винтерштеттен, граф Данненберг, барон фон Газельдорп и еще 48 знатных рыцарей. Согласно псковской летописи, домой вернулся лишь каждый десятый русский воин.

После нашествия Батыя литовцы осмелели и стали чаще вторгаться на территорию русских княжеств. Но, увы, это не всегда им сходило с рук. Так, в 1245 г. 10 тысяч литовцев появились около Торжка и Бежецка. В Торжке в это время сидел князь Ярослав Владимирович, возвратившийся после заключения мира из Ливонии. Он погнался было за литовцами, но потерпел поражение, потерял всех лошадей. Но вскоре на подмогу Ярославу Владимировичу подошла дружина из Москвы, возглавляемая молодым (17–20-летним) князем Михаилом Хоробритом²³. Михаилу удалось догнать литовцев под Торопцом. Литовцы были разбиты, а уцелевшие заперлись в городе. Но на следующее утро подошел Александр Невский с новгородской дружиной, совместными усилиями они взяли Торопец, отняли у литовцев весь полон, и при этом были перебиты более восьми литовских князей.

²⁰ Ростислав Роголодович – сын хорошо известного по летописям князя Роголода Всеславича, правившего Полоцком в XII в.

²¹ Сейчас это село Гончары Гродненской области.

²² Возможно, это современный г. Шауляй, но историки называют еще два места, где могла быть битва.

²³ Михаил Хоробрит (Храбрый) – третий сын великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича.

Через несколько дней после взятия Торопца Александр Ярославич получил весть о появлении нового отряда литовцев. Он отпустил новгородские полки домой, а сам с ближней дружиной (двором, как сказано в летописи) погнался за литовцами, нагнал и перебил всех без пощады у озера Жизца. Затем князь отправился в Витебск, забрал там своего сына и направился домой, в Новгород. Но по дороге, недалеко от Усвята, Александр Ярославич опять наткнулся на литовцев и разбил их.

На следующий, 1246-й год, литовцы решили попытать счастья на юге. Но, возвращаясь с набега на окрестности Пересопницы, они были настигнуты у Пинска Даниилом и Васильком Романовичами и наголову разбиты. В 1247 г. Романовичи вновь разбили литовцев.

В 1246 г. в Орде умер великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Его старшие сыновья Александр Невский и Андрей в это время также находятся в Орде, и владимирский престол перешел к их дяде Святославу Всеволодовичу. Михаил Хоробрит нарушил обычай и согнал дядю с престола. Но покняжить ему удалось совсем недолго. В 1248 г. на Владимирскую Русь двинулось 30-тысячное литовское войско. Навстречу с небольшой дружиной вышел Хоробрит. Битва произошла на реке Протве близ Можайска. Михаил ворвался в ряды литовцев и погиб. Дружина его растерялась и отступила. Но и литовцы понесли большие потери и отошли. Епископ Кирилл, бывший тогда во Владимире, приказал найти тело князя, и торжественное погребение его состоялось во владимирском Успенском соборе. Михаил Ярославич Хоробрит был не только первым московским князем, но и первым русским святым, погибшим от рук литовцев и поляков.

Писать о западных и южных русских княжествах второй половины XIII – начала XIV веков очень трудно. По разным причинам, в первую очередь по идеологическим, царские и советские историки традиционно обходили их стороной. К тому же, осталось крайне мало письменных источников, да и те зачастую противоречат друг другу. Естественно, что у автора возникает желание додумать историю, экстраполировать события, но я предпочитаю этого не делать, а, в крайнем случае, оставить читателю додумывать самому.

Рассмотрим русские княжества с севера на юг. Начну с того, что ни Полоцкое княжество, ни города Черной Руси (Гродно, Новгородок (Новогрудок) и др.) не подвергались татарскому нашествию. Однако его косвенные последствия серьезно сказались на политической жизни этих княжеств и уделов²⁴.

Татарское нашествие в значительной степени оборвало связи Западной и Южной Руси с Владимиро-Суздальской землей. До него на Руси существовало так называемое горизонтальное право наследования, когда старшему брату наследовал следующий по старшинству брат, а не сын. Поясню на примере. Допустим, в Киеве правил старший брат Петр, в Смоленске – средний брат Иван, а в Вязьме – младший брат Федор. После смерти Петра Иван переезжал в Киев и становился там старшим князем. Федор ехал в Смоленск, а Вязьму получал старший сын Петра Александр. Умер Иван, и начались новые передвижки. Поэтому, читая биографические сведения о каком-либо русском князе XII–XIV веков, не следует удивляться, что он за свою жизнь поменял два, три, а то и четыре престола.

Но после 1240 г. наиболее знатные (из старинных родов) русские князья Рюриковичи потеряли интерес к престолом Западной и Южной Руси, а интересовались исключительно делами Владимиро-Суздальской Руси, а также Господином Великим Новгородом. Интерес к последнему вполне понятен – каждый князь пытался как можно больше урвать от новгородской казны.

²⁴ Здесь и далее под княжествами я буду подразумевать большие территориальные объединения типа современной области, а под уделами – малое княжество площадью с современный район, князь которого подчинялся князю княжества (извиняюсь за тавтологию, но иначе не получается).

В итоге в княжествах Западной и Южной Руси частично установилась вертикальная система передачи власти от отца к сыну. А из ряда княжеств Рюриковичи просто убежали, и их место пытались занять малозначительные князья, не имевшие хорошей дружины и не пользовавшиеся авторитетом у населения.

Тут следует сделать маленькое отступление. За три века правления князей Рюриковичей население привыкло, что только они и могут править Русью. Во многих городах, как, например, в Киеве, Полоцке, Минске и др. продолжало играть определенную роль и народное собрание – вече. Однако вече могло решить какие-то важные вопросы, даже сместить князя, но править оно не могло и приглашало нового князя.



Исключение из этого правила представляли лишь Новгород и Псков, которых многие историки называли городами-республиками. Там управление городом и землями находилось в руках вече и выборных людей – посадников, частично деливших их с церковной властью. Князья же в Новгороде и Пскове обычно приглашались вечем, но иногда им силой удавалось навязать свои услуги. Функции князей сводились к защите города и страны от внешнего врага, иногда – к ведению внешней политики, но всегда при участии посадников и церкви. Князьями же, повторяю, были только чистокровные Рюриковичи (по отцовской линии, разумеется). Князь Рюрикович мог быть женат на дочери половецкого или татарского хана и на боярской дочери. Но в последнем случае статус боярина никак не менялся, и при отсутствии наследников боярин (тесть или шурин князя) никогда не мог претендовать на престол. Князья Рюриковичи за всю 750-летнюю историю своего правления на Руси не произвели в князья ни одного безродного родственника по женской линии. (Исключение – Борис Годунов, и то после смерти последнего Рюриковича на московском престоле.)

Взойти на княжеский престол половецкий или татарский хан – родственник по женской линии – не мог по религиозным соображениям. А вот православный литовский князь приравнялся боярством и вечем русских городов к князю Рюриковичу.

С середины XIII века до конца XIV века Рюриковичи выдали замуж за православных литовских князей 16 княжон, и, в свою очередь, женились на 15 литовках.

Характерный пример – Витебское княжество. Там с XII века княжили потомки Всеслава Брячиславича Полоцкого. В первой половине XIII века Витебская земля стала подвергаться нападениям литовцев (1235 г., 1263 г. и т. д.). В 1281–1297 гг. Витебск опять попал в зависимость от смоленских князей. Последним удельным витебским князем был Ярослав Васильевич, дочь которого Марию выдали замуж за литовского князя Ольгерда. В 1320 г. Ярослав Васильевич умер, не оставив мужского потомства, и Ольгерд на правах зятя занял Витебское княжество.

Непросто сложилась судьба города Бреста, впервые упомянутого в летописи под 1019 годом. Согласно хронике Быховца Брест был захвачен литовским князем Монгвилем в 50-х годах XIII века. На самом же деле город с конца XIII века несколько раз переходил из рук в руки. В 1282 г. брестскому воеводе Титу удалось отбить нападение мазовецких князей. В 1334 г. Брест захватили рыцари Тевтонского ордена, а через год город занял литовский князь Кейстут Гедиминович. Наконец, в 1348 г. всю Брестскую землю заняли поляки. Однако в 1366 г. Кейстут вернул себе Брест.

В августе 1379 г. немецкие рыцари во главе с Т. Эльнером, комтуром из Бальги, ограбили и сожгли город, но замка взять не смогли. В период борьбы между польским королем Ягайло и князем Витовтом Брестский замок зимой 1390 г. осаждало королевское войско. После 10 дней обороны защитники замка сдались.

В том же году первым из белорусских городов Брест получил Магдебургское право²⁵ и к середине XV века превратился в один из крупнейших торговых центров, который польский историк Ян Длугош назвал «пристанью и воротами в литовские и русские земли».

²⁵ Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права, сложилось в XIII в. в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

Глава 4

Галицкое королевство

Особое место в нашей истории занимают отношения Литвы и Польши с Галицкой землей, в которой с 1238 г. окончательно утвердился князь Даниил Романович.

Уже известный нам молодой князь Даниил Романович начало 20-х годов XIII века встретил в небольшом, но сильно укрепленном городе Каменец, а к 1229 г. перебрался в Угровск. Здесь его и нашел посланец из Галича с просьбой галичан: «Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Понизье, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшой дружиной пошел на Галич, а своего тысяцкого Дамьяна послал на Судислава.

На третьи сутки в ночь подошел Даниил к Галичу и встал напротив города на другом берегу скованного льдом Днестра. Галичане и венгры несколько раз предпринимали вылазки и бились на льду с дружинниками Даниила. Но к вечеру потеплело, лед поднялся, и река наводнилась. А боярин Семьюнко (летописец даже сравнивает его по цвету лица с лисицей), лютый враг Даниила, зажег мост. В это время к Даниилу подошел Дамьян с перешедшими на их сторону галицкими боярами. Таким образом, у Романовича собралась уже довольно значительная рать. К счастью, подожженный мост через Днестр погас прежде, чем развалиться, и через него, хоть и с риском, но можно было переправиться.

На следующее утро даниилово войско перешло Днестр и окружило Галич. Осажденные вскоре сдали город, а королевича Коломана взял в плен сам Даниил. Но молодой князь уже был не только смелым воином, но и здравомыслящим политиком. Он решил не ссориться с венгерским королем и попросту отослал королевича к отцу.

Тем не менее, Андрей II пришел в ярость, собрал войско и объявил поход. «Не станет в Галиче камень на камень, – говорил он, – никто уже теперь не избавит его от моей руки». Но как только венгерское войско достигло Карпат, начались проливные дожди, лошади тонули, люди спасались на высоких местах. Король упорно вел войско дальше, дошел до Галича и осадил его. Для защиты города Даниил оставил небольшую дружину под командованием Дамьяна. Воевода не сдавал города, а король вскоре был вынужден снять осаду и увести свое войско, потому что страшный недуг поразил его людей: «кожа падала у венгров с ног, как обувь». Галичане нападали на отставших, убивали и брали в плен, а еще больше венгров умерло по дороге от этой жуткой болезни.

Венгры не унялись и попытались взять реванш в 1232 г. Однако кампании 1232 и 1233 годов были выиграны Даниилом.

Между тем в Польше Владислав Ласконогий, уступив Краков Лешко Казимировичу, тихо жил в своем уделе. Однако вскоре на него напал племянник Владислав, сын Оттона, в русских летописях он фигурирует как Одонич. Вскоре эта усобица охватила всю Польшу. В 1227 г. Владислав Одонич нанес страшное поражение Ласконогому и занял почти все его владения. Тогда на помощь Ласконогому пришли князья Лешко Краковский, его брат Конрад Мазовецкий и Генрих Бреславский. Сторону Одонича принял его зять (брат жены) князь Святополк Поморский. Их объединенное войско неожиданно напало на князей – сторонников Ласконогого, в этом бою был убит Лешко Казимирович – номинальный правитель Польши.

Тогда брат Лешко Конрад призвал на помощь русских князей Даниила и Василька Романовичей – старых союзников покойного Лешко. Русские полки вместе с поляками осадили город Калиш. Даниил хотел взять город, но поляки отказались идти на штурм, несмотря на то, что Конрад, «любя русский бой», приказывал им идти вместе с Русью. Осажденные же, видя приготовления русских к приступу, послали к Конраду двоих послов для переговоров. Один из посланников, Пакослав, предложил Даниилу переодеться в его одежду и поехать с ним в

Калиш для переговоров. Даниил сперва отказался, но брат Василько уговорил его: «Ступай, послушай их вече», поскольку один из посланников, Мстиуй, не вызывал доверия у Конрада.

Даниил, одев шлем Пакослава, поехал в Калиш и, встав там позади послов, слушал, что просят осажденные передать Конраду: «Скажите вот что великому князю Конраду, этот город не твой ли, и мы разве чужие, ваши же братья, что ж над нами не сжалитесь? Если нас Русь пленит, то какую славу Конрад получит? Если русская хоругвь станет на забралах, то кому честь доставишь? Не Романовичам ли одним? А свою честь унизишь! Нынче брату твоему служим, а завтра будем твои, не дай славы Руси, не погуби нашего города». Пакослав отвечал на это: «Конрад-то бы и рад вас помиловать, да Даниил очень лют, не хочет отойти прочь, не взявши города. Да вот он и сам стоит, поговорите с ним», – прибавил он, смеясь, и указывая на Даниила. Князь снял шлем, а калишане закричали ему: «Смилуйся, помирись». Романович от души посмеялся и хорошо поговорил с горожанами, потом взял двоих человек, привел их к Конраду и тот заключил с ними мир.

В этом походе русские захватили в полон много челяди и знатных боярынь. Но тут между Русью и Польшей был заключен договор, что если впредь случится между ними война, то полякам не пленять русской челяди, а русским – польской.

Князья Даниил и Василько Романовичи возвратились домой с честью и славой: как говорил русский летописец, ни один русский князь не входил так далеко в землю Польскую, кроме Владимира Великого, который землю крестил.

В ходе этой усобицы князь Конрад Мазовецкий совершил величайшую ошибку, за которую позже веками станут расплачиваться русский и польский народы. Он пригласил на территорию Польши рыцарей Тевтонского ордена. Наивный князь думал, что немцы защитят от набегов язычников – пруссов и литовцев.

В 1225 г. послы Конрада предложили магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу Хельмскую (Кульмскую) землю в обмен на обязательство защищать польский народ от набегов язычников. В 1226 г. германский император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмской землей и всеми землями, которые он впредь завоюет у пруссов, но в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей. В 1228 г. в новые владения Ордена с большим отрядом рыцарей прибыл первый областной магистр Пруссии Герман Балк. В 1230 г. последовало окончательное утверждение всех условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новых землях.

О непосредственных столкновениях новых германских завоевателей с Русью до нас дошел лишь смутный рассказ летописца, датированный 1235 годом. По его словам Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», и пошел с братом на них в силе тяжкой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир».

На Руси же продолжались усобицы за обладание Галицким княжеством. Опуская подробности, скажу лишь, что на короткое время Галич захватил Михаил Черниговский, но в 1238 г. он был выбит оттуда Даниилом Романовичем.

Батыево нашествие выходит за рамки нашего исследования. Здесь же стоит отметить лишь два нюанса. Во-первых, ни польские, ни венгерские власти не ответили на просьбы русских князей о помощи.



Конрад Мазовецкий

Во-вторых, основные силы татар Батый двинул на Венгрию, а не на Польшу. В Польшу же вторгся конный отряд численностью от 8 до 10 тысяч под командованием темника Байдара. 10 марта 1241 г. Байдар переправился через Вислу у Сандомира, оттуда он отправил отряд под командованием Кайду для опустошения края в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Сам Байдар предпринял глубокий рейд до окрестностей Кельц. Прикрывая путь на

Краков, польские краковские войска воеводы Владимежа и сандомирские воеводы Пакослава пытались остановить татар, но 18 марта под Хмельником были разбиты. Сам воевода Владимир был убит, а войска бежали. Краковский и сандомирский князь Болеслав Стыдливый с матерью, русской княжной Гремиславой Ингваревной, и другими домочадцами бежал из столицы в Венгрию.

28 марта 1241 г. татары штурмом взяли Краков. Далее Байдар двинулся к Вроцлаву. Под Вроцлавом поляки собрали большие силы под командованием князя Генриха Благочестивого. На помощь к ним прибыли немецкие рыцари и французские тамплиеры.

9 апреля соединенные войска сразились с татарами у Легницы и были наголову разбиты. В письме аббата бенедиктинского монастыря Мариенбурга в Вене от 4 января 1242 г. говорится о более сорока тысячах павших. Великий магистр Понсе д'Обона писал французскому королю Людовику IX, что тамплиеры потеряли под Легницей пятьсот человек. Погиб и сам князь Генрих, а татары надели на копье его отрубленную голову.

Батый, в это время находившийся с главными силами в Венгрии, приказал войску Байдара отрезать чешские войска, бывшие к северу от Дуная. Байдар 16 апреля отошел от Рацибужа и направился в Моравию.

Замечу, что галицкий князь Даниил Романович со своим сыном Львом еще до взятия Киева Батыем поехал в Венгрию, но был плохо принят королем, который отказался выдать свою дочь за сына Даниила. Даниил выехал из Венгрии, но повстречал толпы народа, бегущего от татар, и вынужден был вернуться. Вскоре Даниил получил известие, что его брат, жена и дети успели убежать от Батыя в Польшу. Тогда князь направился туда же, по дороге повстречал свое семейство, и все вместе они поехали к сыну Конрада Болеславу. Тот дал на время Даниилу город Вышгород, и галицкий князь с семейством пробыл там до тех пор, пока татары не ушли.

То обстоятельство, что Даниил уехал из Галича только с одним сыном, оставив всю остальную семью дома, свидетельствует, что он не бежал от татар, а действительно ездил в Венгрию для сватовства и заключения союза с королем против татар.

В апреле 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил к татарам специальную дипломатическую миссию во главе с одним из основателей ордена Францисканцев Плано Карпини. Он должен был вручить папскую бумагу великому монгольскому хану, а заодно вступить в контакт с южнорусскими князьями. В начале 1246 г. Карпини побывал во Владимире Волынском, где беседовал с братом Даниила Васильком Романовичем, сам же Даниил в это время ездил к Батыю. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима вступить с ним в переговоры. Даниил согласился, поскольку поверил обещанию Иннокентия IV поддержать его в борьбе с татарами.

Замечу, что Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными русскими князьями. Ведь именно в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причем, папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на закахашенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время крестовых походов прошло. Да и в XI–XII веках крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со

страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подать мне помощь?», – велел ответить он папе.

В 1253 г. во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава, туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велел передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганных». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.²⁶ в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы.

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

А теперь вернемся к отношению Руси с Литвой. В 40-х годах XIII века среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Товтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в литовские дела. Посоветовавшись с братом Василько, он послал сказать польским князьям: «Время теперь христианам идти на поганных, потому что у них встали уособицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войск не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ятвягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндовга, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братии».

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными, выступили в поход. Даниил послал Василька на Волковыск, своего сына – на Слоним, а сам пошел к Здитову. Поход был успешным, и русские полки с богатой добычей и полоном возвратились домой.

²⁶ По другим источникам это произошло в конце 1253 г.

Затем галицко-полоцкое войско под началом Товтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но Орден не торопился, и Товтивилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.